

Александр Зорич

Второй подвиг Зигфрида

*Часть сборника
Ничего святого (сборник)*

О Зигфриде

Александр Зорич

Второй подвиг Зигфрида

«Автор»

2002

Зорич А.

Второй подвиг Зигфрида / А. Зорич — «Автор», 2002 — (О Зигфриде)

«Второй подвиг Зигфрида», как и рассказ о Конане, написан в жанре исторической фэнтези. С тем уточнением, что «исторического» в нем много, а сугубо фэнтезийного (эльфов, гномов, драконов) почти нет. И снова в кадре – раннее Средневековье, разве что главным героем здесь является уже не Конан, а выросший и возмужавший Зигфрид, тот самый, что сопровождал Конана к дракону Фафниру. Как, вероятно, уже догадался внимательный читатель «Конана и Смерти», Зигфрид не только выслушал пророчество ясновидящего Фафнира, но и принялся воплощать это пророчество в жизнь, страстно желая покрыть свое имя неувядающей славой. Действие рассказа происходит в европейском варварском королевстве бургундов, когда то еще находилось не на территории современной Бургундии, а несколько севернее. Еще свежа память о типично римских увеселениях – перед нами самый настоящий ипподром, мало чем уступающий тем, которые строились во времена Августа и Траяна, – но нравы и манеры наследников великого Рима радикально изменились... Впрочем, в «подвигах» европейские варвары разбирались не хуже римлян, ведь в конце концов именно они вышли из великого культурного противостояния победителями. Этот рассказ – моя дань старинной мечте написать исторический роман о нибелунгах и королевиче Зигфриде. Уверен, когда-нибудь я ее непременно осуществлю.

© Зорич А., 2002

© Автор, 2002

Александр Зорич

Второй подвиг Зигфрида

Королевич Зигфрид, сын нидерландского короля Зигмунда и супруги его Зиглинды, был скорее магом, чем воином.

Пятнадцати лет от роду довелось ему присутствовать при гибели ученого дракона Фафнира. Позднейшая молва приписала юному королевичу славу победы над драконом, хотя действительным убийцей крылатого затворника был совсем другой человек.

Однако именно победа над драконом считается первым подвигом Зигфрида, ведь королевич действительно омылся в крови Фафнира. Это купание возымело волшебный эффект и наделило королевича некоторыми способностями, которые в германском мире обычно вызывают зависть и восхищение, а в христианском – желание подвергнуть их обладателя незамедлительному экзорцизму.

Волхв Альбрехт учил Зигфрида семи свободным магическим искусствам, но непоседливый королевич покинул своего наставника до срока.

Он ушел в Вормс, столицу королевства бургундов. Зигфрид добивался руки Кримхильды, сестры короля Гунтера.

Чтобы завоевать Кримхильду, ему нужен был подвиг, нужна была слава. Воины добывают славу мечом. Но Бальмунг, меч Зигфрида, был выкован из молнии и отшлифован радугой для другой славы.

Победа над человеком, оборотнем, чудовищем королевича не устраивала. Вокруг Кримхильды увивалось множество женихов. Перещеголять их в кровожадности было и непросто, и противно. «Победить там, где победа невозможна», – так решил королевич.

О первом подвиге Зигфрида рассказано в другом месте.

А о втором рассказано здесь.

То была пора, когда сирени уже вылиняли, да и княжение шиповника в садах подходило к концу. Розаны нехотя уступали трон безродным узурпаторам-люпинам, суходолы на радость жвачным румянились клевером.

Девушкам хотелось влюбиться, юношам – умереть за любовь. Или хотя бы побить кого-нибудь.

Было утро. В заводях Рейна отходили ко сну проблудившие всю ночь русалки, поодаль нерестились караси и сазаны. Последние торопились поспеть до цветной воды. Русалки же никуда не торопились, ибо знали: с вечерними сумерками бесня начнется по-новой.

На холмах, что оберегали Вормс от северо-восточных ветров, неохотно поспевала земляника, а на росистых выгонах продирали глаза оводы и слепни – впереди у каждого был долгий трудовой день на коровьей заднице.

Вставшие затемно косари задорно брили лоно матери-природы, с недоверием поглядывая в небо: не собирается ли дождь? А потом азартно спорили, «запалит» жара хлеба или «не запалит». А также о том, какая из шести колесниц победит на сегодняшних бегах. Патриотические чаяния, как правило, торжествовали в этих спорах над матстатистикой и здравым смыслом.

В это время Вормс только еще спросонья потягивался. На вормсском же ипподроме вовсю кипела работа.

Лошадей готовили к бегам.

Ковали со своими подмастерьями осматривали подковы и смазывали маслом конские копыта. Конюхи старательно натирали мелом хвосты лошадей белой масти – чтобы те выглядели ослепительно белыми, а не как обычно. Поодаль помощники колесничих, птиц залетных и

недешевых, заплетали гривы в косички – чтобы лошадиные шеи выглядели совсем уж скульптурно.

В это же время на опушке дубравы Зефир Нисский, единственный возница, не поленившийся встать до рассвета, делал утреннюю зарядку – складывался наполоам, размахивал руками и скакал через веревочку.

Двое мальчишек лет семи, посланных за земляникой, исподтишка наблюдали за героем из кустов, усевшись на свои пустые пока лукошки. Их лица выражали нерешительность: уместно ли смеяться над чудными кривляньями Зефира или же по их поводу следует испытывать благоговение непосвященных? Но тут Зефир пошел отжиматься широким хватом, и мальчики со вздохом облегчения склонились ко второму.

Ипподром в Вормсе, конечно, уступал своим собратьям в Риме, Константинополе и Равенне. Как по количеству зрителей, так и по количеству беговых дорожек – их было всего шесть (тогда как равеннский ипподром мог запросто вместить пятнадцать упряжек в один забег). Зато он был оборудован стартовыми стойлами для упряжек с автоматическим веревочным затвором – по последнему слову техники.

Король Гунтер, еще не войдя в наследство, лично курировал сооружение ипподрома, ибо уже тогда почуял: никакой цивилизованной политики королевству не видать, пока не будет устроено цивилизованное развлечение для политиков.

И развлечение было устроено! Развлечение длиной в полный аттический стадий, шириной в пять седьмых стадия и высотой в тридцать футов могло бы выжать согласный вопль спортивного азарта из двадцати четырех тысяч зрителей, если бы только размещение почтенной публики отвечало римским стандартам.

Но германские стандарты имени инженер-политика Гунтера не были пасынками городского, цивилизованного либерализма, нет.

Один цезарь, сто сенаторов, мириад плебеев? Ни-ко-гда.

Каждый из королей (а вормсский ипподром был рассчитан на дюжину королей!) требует жизненного пространства не меньшего, чем цезарь. Каждый его сопалатник, каждый дружинник – тоже. Разве кто-то из этих достойнейших, славнейших людей может позволить себе сидеть ниже своих братьев по оружию?

А посольства? Что случится, если посадить константинопольского посланника ниже римского? Гуннского – ниже вандальского? Воистину случится непоправимое!

И еще: кто пройдет к своим местам первым? Положим, бургундский король – по праву хозяина. Но вот вторым? Вторым кто? Епископ Омега или посол Дельта? Конунг Верданди или ярл Сканди?

Поэтому с архитектурной точки зрения ипподром пришлось решать как улей диких ос, по принципу – сколько тварей, столько и гнездышек. Поверх зрительских трибун были сооружены просторные павильоны с деревянными креслами. Для каждого короля – свой павильон, для каждого сопалатника – свое кресло.

Под павильонами тянулись три яруса обшитых дубом сидений для людей знатных или полезных, но все-таки отличающихся от персон высшей светской и духовной ценности, как серебро отличается от золота.

А еще ниже начинались ярусы плебейских каменных сидений-ступенек.

Сюда сползались все, кому было не лень, – как правило, со своими дерюжками, подушечками или одеялами из шкур. Но если кто-то заранее не позаботился о здоровье своей простаты, зрители ипподрома, которых на римский манер громко и не совсем правильно именовали квесторами, выдавали бесхозяйственному пролетариату подушечки и волчьи шкуры напрокат.

Прокат подушечки стоил один фоллис, то есть меньше даже сестерция, то есть дешевле не придумаешь. Шкура тянула на целый сестерций.

Правда, требовался еще залог. А в залог строгие бургундские квесторы принимали отнюдь не что угодно. Охотно брали деньги, сестерциев десять – двенадцать, еще охотней – ножи или кожаную обувь. Но вот уже кольца и ожерелья подвергались пристрастному отбору – цветное стекло и вызолоченный биллон понимания не встречали.

Зигфриду, разумеется, не пришлось решать вопроса с подушечками. Король Гунтер милостиво пригласил гостя на почетные места прямо под бургундским павильоном – те самые, для знати второго разбора, обшитые полированными дубовыми досками.

Гизельхер запротестовал:

– А почему там? Мы можем посадить Зигфрида вместе с нами!

– Зигфрид – юноша хорошей крови. Но он не бургунд, – возразил Гунтер во всеуслышание. – Поэтому его пребывание в бургундском павильоне против правил. С другой стороны, Зигфрид просто гость, частное лицо. Будь он послом или королем – мы отвели бы ему персональный павильон. Вы нас понимаете, Зигфрид?

Вопрос не стоил выеденного яйца. Потому что рядом с Гунтером сидели Гизельхер, Ильдико, Кримхильда и мать-королева с доверенными служанками, епископ вормсский с доверенными пресвитерами, а далее сопалатники, сопалатники, сопалатники... Свирепые рожи при полном воинском параде, из которого были исключены только вкрай неудобные чешуйчатые доспехи, замененные на короткие кольчуги.

В бургундском павильоне яблоку негде было упасть. Младшим дружинникам, которым из соображений грядущей карьеры тоже хотелось потереться возле короля, пришлось занять добавочные стоячие места за спинами старших.

«Ну и порядочки, – подумал Зигфрид, ощутив острый укол самолюбия при словах „будь он королем“. – Что ему, Гунтеру, проще? Так бы и сказал: нету места, мол. Так нет же, с ходу пускается исчислять ранжиры!»

– Я вас понимаю, король Гунтер. – Зигфрид приложил руку к груди и поклонился. – И ценю вашу мудрость, благодаря которой вы дальновидно не сослались на ограниченные возможности вашего павильона. Хотя это на первый взгляд было бы вполне достаточным основанием. Однако в этом случае спор с королевичем Гизельхером мог перекинуться на другой предмет. Не услать ли, например, пресвитера Германариха в качестве комментатора зрелищ в гуннскую ложу? Но, повторяю, благодаря вашей дальновидности основания для дискуссии исчезли.

Кримхильда наострила ушки и заволновалась.

Ответ Зигфрида ее восхитил. Однако его можно было признать хамским, а как поведет себя Гунтер, которому нахамил чужеземец, для нее было загадкой. Приезжие с Гунтером всегда держались либо подобострастно, либо отстраненно вежливо. «Благодарю вас, да» и «благодарю вас, нет» – история зарекомендовала эти формулы как оптимальные для общения между залетными гостями и Владыкой Рейна.

Поставленным вне закона саксам в бургундских землях сразу «делали орла», то есть вырывали сердце и выворачивали ребра наизнанку. Поэтому возможности встретиться с Гунтером и нахамить ему в лицо они были лишены. А серьезные переговоры – такие переговоры, на которых бьют кулаками по столу, швыряют в огонь пергаменты и клянутся своей кровью расквасить песчи хари отступников, – происходили при закрытых дверях. За которые, конечно, Кримхильду не пускали.

Да и ведет ли Гунтер такие переговоры? Кримхильде порою казалось: нет, не ведет. Потому как не способен.

Итак, прецедент был создан. Сгустились ли тучи над головой Зигфрида, или они только собрались сгуститься, или Кримхильде лишь примерещилась сама возможность перемены погоды, но она уже внутренне подобралась и вознамерилась каким-нибудь – пусть неуклюжим,

лишь бы действенным – маневром, который еще предстояло на ходу симпровизировать, изменить положение к лучшему.

Кримхильда не успела вклиниться в разговор. Она только тихонько вздохнула, набирая воздух для разгона, а Гунтер в свою очередь только-только приоткрыл рот, как внизу заголосил квестор:

– Эй, парень, стой, куда?! Вернись сейчас же!

Зигфрид обернулся.

Вверх по ступенькам прохода бежал невысокий оборванец. На нем были ужасные *браки* (при произношении на кельтский манер – «брюки»), то есть штаны самого грубого, подлинно варварского покроя. Обувью его босые пятки пренебрегали, а его рубахой можно было мыть полы. Грязнее от этого она бы не стала.

В зубах оборванец тащил волчью шкуру. Наверняка из тех, что выдавались напрокат, иначе зачем квестор, поудобней перехватив свою дубинку, бросился за парнем вверх по ступенькам?

Встопорщенная шерсть и замятая складка шкуры закрывали воришке пол-лица. Зигфрид его не признал, но ему почудилось, что он уже встречал этого дикаря раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.